

УДК 811.161.1'371

Гайворонская Л.В.

Воронежский государственный университет

**СЕМАНТИКА КЛЮЧЕВОГО СЛОВА 'ВРЕМЯ'
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ.**

L. Gayvoronskaya

Voronezh State University

**KEY WORD TIME SEMANTICS IN RUSSIAN LITERATURE
IN 18TH – 1ST THIRD OF 20TH CENTURY**

Аннотация. В статье дается очерк семантики ключевого слова 'время' в динамике эпох. Частотность коннотаций лексемы 'время' в различных эпохах связана с жанрово-родовыми характеристиками литературы. Обнаружена дифференциация смыслов в непосредственных контекстах: в прозе – денотативные, в поэзии – коннотативные. В ряду разнообразных контекстов времени художественные тропы имеют больше коннотаций, однако их качество различно. В одних случаях метафора содержит только одну коннотацию и тяготеет к поэтическому клише, а в других – привлекает множество коннотаций, складывающихся в уникальный метафорический комплекс времени.

Ключевые слова: время, семантика, коннотация, эпоха, поэзия.

Abstract. In this paper the author outlines the semantics of the keyword 'time' in the dynamics of epochs. The frequency of connotations of lexeme 'time' at different epochs is associated with the genre-generic characteristics of literature. The differentiation of meanings is found in the immediate contexts: in prose – denotative, in poetry – connotative. Among a variety of contexts tropes have more connotations, but their quality varies. In some cases, the metaphor has only one connotation and tends to be poetic cliché, but in others – attracts a lot of connotations, evolving into a unique set of metaphorical time.

Key words: time, semantics, connotation, epoch, poetry.

Исследование семантического моделирования *времени* особенно актуально¹ с точки зрения его универсального или оригинального характера у авторов русской литературы в динамике эпох.

Контекстно-семантический анализ лексемы 'время' проводился нами в текстах писателей XVIII – первой трети XX вв.. Сразу выяснилось, что с этим ключевым словом часто соседствуют лексемы 'вечность' и 'мгновение / мгновенье' или их однокоренные варианты, что вполне закономерно («*Урна времён часы изливают каплям* подобно: / Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возросли, / И на дальнейшем берегу *пенистые волны / Вечности в море*; а там нет ни предел, ни берегов; / Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит; / Веки в него протекли, в нём исчезает их след» (Радищев) [19]; «*О Время! Вечности подвижное зеркало!*» (Тютчев, На новый 1816 год) [25]; «Затопили нас *волны времен*, И была наша участь —

© Гайворонская Л.В., 2011.

Статья выполнена в рамках разработки научной темы «Универсалии русской литературы (XVIII – начало XX вв.)», при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ 2.1.3 / 12071.

¹ Концептуализация и моделирование времени в языке анализируется авторами сборника научных трудов: Логический анализ языка. Язык и время / Отв.ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – 352 с. Особо выделим работу, в которой время рассматривается в поэтических контекстах: Григорьев В.П. «Где время цветет, как черемуха...» // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик, 1997. – С. 297-301.

мгновенна» (А. Блок, Поднимались из тьмы погребов) [3]). Прежде всего эти лексемы объясняются через понятие 'время': *вечность* – очень долгое время, бесконечность (не виделись целую вечность (очень давно) разг.; кануть в вечность (бесследно исчезнуть, не оставив следов, памяти о себе)); *мгновение* – очень короткий промежуток времени, момент, миг (в то же мгновение; в одно мгновение; мгновенно). Кроме того, эти сопутствующие лексемы могут рассматриваться как антонимы, а иногда и синонимы ключевого слова. В аспекте длительности или динамичности 'вечность' и 'мгновение' являются антонимами лексемы 'время', что подтверждается множеством поэтических контекстов. К примеру, у А. Сумарокова в стихотворении «К неправедным судьям»: *Иль вы забыли то, что время скоротечно / И что и на земли нам счастье не вечно?* [23]. Сближение семантики этих слов наблюдается в следующих поэтических ракурсах: *время* состоит из *мгновений*¹, а *океан / тьма времён* образует *вечность*.

В ситуации переживания *времени* почти всегда присутствует волевой компонент – стремление удержать / остановить / «победить» *время*, в самом широком смысле связанный с *памятью, воспоминанием*. А это, в свою очередь, высвечивает перспективу исследования характерологических универсалий²: *кто* проявляет волевое действие по отношению к *времени* – *человек / личность, герой, поэт, пророк...*

Непосредственное исследование контекстов 'времени' в текстах русских писателей дифференцировало его смыслы на денота-

1 Например, у М.Н. Муравьева: *Ах! несмотря, что время скоро мчится, Мгновенья есть, когда оно влачит...* См.: Муравьев, Михаил Никитич. Стихотворения / М.Н. Муравьев; авт. предисл. и примеч. Л.И. Кулакова. – Л.: Сов. писатель, 1967. – С. 182.

2 Характерологическая универсалия – литературная универсалия, представляющая собой логику развертывания литературного персонажа в тексте со всеми устойчивыми тематическими и мотивными комплексами (как, например, *маленький человек, странный или лишний* и др.). См. работы А.А. Фаустова, С.В. Савинкова, Л.В. Гайворонской [26; 20; 5].

тивные и коннотативные³. В прозе обнаруживаются денотативные смыслы: длительность / динамика явлений и событий, их соотношение и т. д. В определении В. Даля *время* разноаспектное: «*Время*: длительность бытия; пространство в бытии; последовательность существования; продолжение случаев, событий; дни за днями и века за веками; последовательное течение суток за сутками. *Время*, сила в своих развитиях; пространство, в ее сочетаниях...» [7 т.: I, с. 260–261]. Особый интерес представляет характеристика *времени* как пространства – вместилища событий, явлений. Действительно, конкретные контексты ключевой лексемы проясняют ее частотность у писателей-прозаиков, связанную, в первую очередь, с их стремлением максимально точно отобразить связи и расположение явлений и событий по отношению друг к другу в *пространстве времени*, организующих сюжет произведения (*в это время, в то самое время, время шло* и т. д.)⁴. В свою очередь, коннотативные смыслы *времени* принадлежат поэзии. Такая «специализация» поэтической и прозаической речи особенно четко просматривается в творчестве авторов, писавших и поэзию, и прозу: в первом случае преобладают коннотативные смыслы *времени*, эмоционально и эстетически означенные, во втором – зачастую наблюдается чисто денотативное использование соответствующей лексемы.

Конечно, в прозаических текстах имеются и коннотативные смыслы 'времени'. Однако в большинстве случаев это распространенные индикаторные метафоры, ставшие поэтическими штампами. Например, у А. Пушкина: *Вот уж две недели как я живу в деревне и не вижу, как время летит* (Роман в письмах) [18], *Владимир зачитался, и позабыл всё на*

3 Денотативные смыслы времени связаны, в первую очередь, с определением хронографии (относительность событий), хронологии (последовательность событий) и хронометрии (долгота / длительность событий). Смыслы коннотативные содержат эмоциональную и аксиологическую оценку автора.

4 Поразительные примеры исключения из этого правила обнаружены в текстах авторов первой трети XIX в.: у Н. Тоголя, А. Бестужева-Марлинского, В. Одоевского.

свете, погрузись душою в мир семейственного счастья, и не заметил, как **прошло время** (Дубровский) [18]; у В. Гаршина: **Время летело незаметно**, и только через час я, взглянув на лицо своей модели, увидел, что она [Надежда Николаевна] **сейчас упадет от усталости** [6]. В приведенных контекстах обращает на себя внимание очевидная положительная эмоция переживания быстрого времени событий, приятных для героев. Напротив, 'время' **течет, ползет, тянется** в ситуациях, затруднительных или неприятных для героев, например, в ситуации ожидания.

В отличие от прозы поэзия XVIII, XIX и начала XX вв. помимо немалого числа денотативных значений (*во время, в то самое время* и т. д.) обнаружила множество самых разнообразных коннотативных смыслов лексемы 'время', в процессе создания которых едва ли не самая главная роль принадлежит эмоционально-оценочному значению. В каждом контексте возникающие ассоциативные признаки важны, поскольку служат основой различных метафорических переносов [21; 24]. Словом, поэзия обладает более плотной, связной, сложной организацией языкового материала, нежели проза. Это демонстрирует количество выявленных в поэзии универсальных и авторских коннотаций лексемы 'время'.

Наконец, схематично охарактеризуем универсальные смыслы ключевого слова 'время' в исследуемых эпохах. Выявленный и проанализированный материал настолько обширен, что в формате настоящей работы не представляется возможным проиллюстрировать его¹. Ограничимся несколькими замечаниями.

В ходе исследования учитывались все контексты ключевой лексемы, начиная от сочетаемых с ней художественных определений и глаголов и заканчивая художественными тропами. Максимальное расширение исследуемого материала позволило выявить

и описать большее число универсальных сем времени с учетом эмоциональной и аксиологической составляющих авторской оценки, определить взаимодополняющие и противопоставленные смыслы времени. В зависимости от оценки поэтической ситуации у разных авторов *время бежит, мчится, стремится, несется, но и ползет, тащится, плетется, влачится*. («В изношенных душах, / Едва **тащится время** / И каждый миг, как бремя, / Тягчится на плечах» (П. Вяземский, К подруге) [4]).

В поэзии исследуемых эпох действие времени всегда оценивается, и в большинстве случаев негативно: *время разрушает, уносит, истачивает, подрывает, срезает, косит* (например, у И. Крылова в оде «Уединение»: *Косою времени сражен* [10]), *губит, убивает, пожирает* пространство, царства, народы, человека, чувства. К примеру, у В. Майкова: **Время в узах заключенно, / Разрушитель вешества** (Ода на день брачного сочетания цесаревича Великого князя Павла Петровича и Великия княгини Наталии Алексеевны) [14]; *Но время строгое, всего рушитель света* (К изображению Николая Никитича Поповского) [14]; у С. Есенина: **Время даже камень крошит** (Письмо деду) [9] и т. д., и т. п.

В меньшем количестве контекстов действие времени расценивается положительно как созидательное: *приносит* (например, *плоды* – славу, честь, наслаждение и т. д.), *дает, созидает, лечит* («Твою печаль **утешит Бог и время**» (А. Пушкин, Русалка) [18]; «**Что время лечит от страданья...**» (М. Лермонтов, Исповедь) [11] и т. п.), как универсальный закон бытия, с которым лирический герой / личность согласен или смиряется, а в XVIII–XIX вв. этот закон воспринимается как благо – *Божественный порядок*. (В связи с этим следует отметить ярко выраженную прагматическую заданность времени именно в восемнадцатом столетии: оно *полезно, разумно, своевременно (красно)*. В произведениях этого периода обличается праздность: «Недостаток времени» А. Сумарокова [23], «Похвальная речь науке убивать время, гово-

¹ Материалом исследования послужили тексты 112 авторов русской литературы XVIII–первой трети XX вв. Данную работу продолжает составление литературной энциклопедии временных мотивов в индивидуально-авторских мирах.

ренная в новый год» И. Крылова [10], «Добрым друзьям об истинном наслаждении временем» И. Хемницера [27] и др.).

Эмоциональная, волевая и аксиологическая составляющие коннотаций выражают субъективное восприятие времени как некоей могущественной, стремительной стихии (водной, воздушной или иной), которую невозможно удержать, ограничить формой и которой невозможно управлять, однако воздействующей на человека. По мысли З.Д. Поповой и Н.С. Поповой, универсальными оказались три группы образов времени: «образы идущего, перемещающегося по земле антропоморфного существа; образы текущей воды; образы летящих по воздуху птиц или небесных тел» [17, с. 216]. На наш взгляд, число повторяющихся в русской поэзии универсальных смыслов времени значительно больше. Список весьма обширен: вода / река / поток / море, воздух / туман / дым, течение / полёт, птица, крылья, персонификация (старуха, возница, пахарь, жнец, художник), косвенная персонификация (рука, зуб, челюсти, седьмы), змея, мифологема (смерть, Сатурн, Харон, Крон), смерть как точка времени, жизнь, судьба / рок, пространство / даль, тьма, вечность, мгновение, время (апокалипсис / последние времена, ночь, полдень, год и т. д.), оборот / круг / кольцо, всевозможные часы и их части, предметы. Еще более внушителен список индивидуально-авторских коннотаций времени (очень много в группе *время – предмет*).

Кроме всего прочего, выявлены поэтические ситуации *время + вечность*, *время + мгновение*, *время + память / воспоминание / забвение*, нагруженные универсальными смыслами и ведущие к универсалиям характерологическим.

Насыщенность и частотность коннотаций лексемы 'время' в различных эпохах обусловлены прежде всего главенством художественных методов и литературных родов.

Так, писатели XVIII в. разрабатывали и осваивали не только литературный язык, но и приемы стихосложения, причём основными жанрами в то время были лирические.

Что касается коннотативных предпочтений, отметим известную традиционность семантики времени в XVIII в.: *вода / река / поток / море, воздушная стихия, течение / полёт, птица, крылья, персонификация*. Отличительная черта этой эпохи – *имперские коннотации* (наиболее частотные в творчестве М. Ломоносова). Логично для восемнадцатого века и взаимотяготение *имперского* и *божественного* порядка в семантике времени. Вот один из примеров:

*Благополучны их державы были лета;
Но лучше ныне нам дает Елисавета.*

***Подобясь время ей в божественных делах,
Являет образ нам во всех своих частях.***

*Весна, красясь всегда приятными цветами,
Равнится с льющими отраду всем устами;
И лето с осенью обильные плоды*

*Нам сыплет, как она, с избытком за труды,
Зима в спокойствии довольством улаживает,
Как миром всем она богатым украшает...*

(М. Ломоносов, Надпись на новый 1754 год, где время уподобляется великому зданию) [13].

Относительно традиционны коннотации времени и в первой трети XIX в. Однако писатели этой эпохи интенсивно разрабатывают поэтическую ситуацию *время + поэт / герой* и сопутствующие ей: *время + вечность*, *время + мгновение*, *время + память / воспоминание / забвение*. И это не удивительно, потому что именно в этом периоде берут начало многие характерологические тексты русской литературы. И, тем не менее, интерес авторов к ситуации *время + поэт* появляется еще в XVIII в. и не исчезает ни в одной эпохе. Главенство лирических жанров (от малых лирических форм вплоть до жанров лиро-эпических) в этой литературной эпохе, когда шел активный процесс формирования новой поэтики, и объясняет самое высокое количество контекстов ключевой лексемы 'время'.

Абсолютно логично заметное сокращение как количества контекстов лексемы 'время', так и числа ее коннотативных смыслов во второй и особенно в третьей эпохах XIX в.: это время господства повести и романа.

Большинство писателей – прозаики, поэтов не так много. Кроме всего прочего, сокращение коннотативных смыслов лексемы ‘время’ связано и с тяготением к «действительности в фактах», с социальной конкретизацией литературы. Показательно мизерное число «поэтических» лексем в творчестве Н. Некрасова: ‘вечность’ (1), ‘мгновение’ (9), ‘воспоминание’ (5). Весьма симптоматична и социальная детерминированность поэзии и времени в творчестве этого автора: «Горькое время – горькие песни», «Доброе время – добрые песни», «Современные песни» [16].

Во второй и третьей эпохах XIX в. помимо отмеченных выше смыслов и ситуаций, описывающих субъективное восприятие абстрактного времени как силы / стихии, возникают культурно-исторические коннотации времени – эпохи¹: *новое время, современность, безвременье*, оцениваемые разными авторами и положительно, и отрицательно. В связи с этим абсолютно логично выдвигание на первый план ключевого слова ‘мгновение’. Только в одних случаях происходит осмысление действительности, социально конкретизированное, где почти нет места абстрактному (‘мгновенно’ = ‘в этот момент’ = ‘современно’). А в других случаях, напротив, совершается вчувствование в себя (глубоко противоположное всему внешнему), в собственный временной поток, в котором ценно каждое или отдельное мгновение. Существенное отличие второй и третьей эпох, о котором уже говорилось, – меньшее в разы количество контекстов ключевой лексемы.

По объему числа контекстов восемнадцатого столетия, первой трети девятнадцатого и начала двадцатого приблизительно равны, их множественность обусловлена именно творчеством поэтов, составляющих большинство авторов в данных эпохах. Семантику времени в первой трети XX в. составля-

ют не только обнаруженные универсальные коннотации, но в большей степени оригинальные индивидуально-авторские.

И последние замечания.

Несомненно, в ряду самых разнообразных контекстов времени метафоры и сравнения имеют больше коннотаций, нежели определения (*время золотое, светлое / доброе, злое, грозное* и т. д.) или глаголы (см. выше). Однако качество коннотаций заметно отличается и в художественных тропах, поскольку в одних случаях метафора содержит только одну коннотацию и тяготеет к поэтическому штампу: к примеру, у Ф. Сологуба: *Или время крылато?* (Ускользящей цели обольщающий свет) [22]. А в других – притягивает множество иных смыслов, в результате чего появляется метафорический комплекс времени в отдельно взятой поэтической ситуации:

Птицы, намокшие тяжко, плывут средь тумана.

Слушай... это летит хищная, властная птица,

Время ту птицу зовут, и на крыльях у ней твоя сила,

Радости сон мимолетный, надежд золотые лохмотья...

(И. Анненский, Notturmo) [1].

В приведенном отрывке к центральной коннотации времени ‘птица’ присоединяются и другие известные универсальные коннотации ключевой лексемы: *туман* – ‘влажность’, но и ‘неизвестность’; *хищная, властная* – ‘характер времени’; ‘крылья’; ‘потеря сил, старость’; ‘сожаление об утраченных надеждах молодости’ и т. д.

А вот еще подобный многозначный метафорический комплекс у Пушкина: *Зрит барда старого – веселье прошлых лет: Склонясь седым челом над воющим потоком, В безмолвии времен он созерцал полет* (Осгар) [18]. Пушкинский образ времени восходит к державинскому «Водопаду», в котором «некий муж седой» размышляет: *Не жизнь ли человеков нам Сей водопад изображает? <...> Не так ли с неба время льется* [8]. Однако гениальный ученик, цитируя «лучшее произведение Державина», де-

¹ Безусловно, похожее восприятие имеется и в первой трети XIX в. – *век железный*, и в XVIII в. – *имперские коннотации*: «Таких блаженных мест чудесное начало / В старинны времена богам принадлежало, / Но ныне строится Нарышкиных рукой» (И. Богданович, Стихи на дачу, называемую «Красная Мыза»). См.: Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы / – Л.: Советский писатель, 1957. – С. 166.

ляет время реальным объектом пространства – водопадом – и создает уникальный образ поэта – хранителя памяти о прошлом, в котором возникает едва ли не персонификация времени: *Зрит барда старого – веселье прошлых лет* [18]. Кстати, совмещение движения воды и полёта в поэтической семантике времени довольно частотно и стабильно (оно обнаруживается ещё в XVIII в.).

Безусловно, анализ таких метафорических комплексов предполагает обособленное изучение и описание семантики времени в авторских мирах с учётом универсальных смыслов. Метафорические комплексы в какой-то степени выражают и смыслы индивидуально-авторские: особенно широко они представлены в текстах, посвященных времени. Как правило, это отражено в названиях произведений, причём поэтические посвящения времени частотны во всех эпохах. К примеру: «Атомы времени» и «Безвременье» у К. Бальмонта, «Вечность», «Образ вечности» и дважды «Время» у А. Белого, «Образы времен» В. Брюсова, «Когда время останавливается» М. Волошина, «Добрые чувства побеждают время и пространство» М. Кузмина, «Хвала времени» М. Цветаевой. Название «Время» встречается во всех исследуемых эпохах. Сюда же относятся и стихотворения, посвященные новому году, новому веку, временам года, суток. Безусловно, эта тема требует глубокого исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анненский И.Ф. Книги отражений. – М.: Наука, 1979. – 682 с.
2. Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель, 1957. – 258 с.
3. Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. – М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960–1963.
4. Вяземский П.А. Сочинения: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1982.
5. Гайворонская Л. В. Характерология русской литературы (первая треть XIX в.): Учебное пособие для вузов – Воронеж : «Изд-во ИТОУР», 2009. – 108 с.
6. Гаршин В.М. Сочинения. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 428 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – СПб.: ООО «Диамант», 2002.
8. Державин Г.Р. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1957. – 472 с.
9. Есенин С.А. Сочинения. – М.: Художественная литература, 1988. – 703 с.
10. Крылов И.А. Басни и стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1947. – 440 с.
11. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 10 т. – М.: Воскресенье, 2000–2002.
12. Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – 352 с.
13. Ломоносов М.В. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1986. – 559 с.
14. Майков В.И. Избранные произведения. – М.: Советский писатель, 1966. – 504 с.
15. Муравьев М. Н.. Стихотворения ; авт. предисл. и примеч. Л.И. Кулакова. – Л.: Сов. писатель, 1967. 388 с.
16. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. / Н. А. Некрасов; редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1981.
17. Попова З.Д., Попова Н.С. Общелитературные универсалии образов времени в русской поэзии XIX-XX веков // Универсалии русской литературы. 2. – Воронеж: НАУКА-ЮНИСПРЕСС, 2010. – С. 215–218.
18. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. – М.: Воскресенье, 1994–1997.
19. Радищев А.Н. Полное собрание сочинений: в 3 т. / редкол.: И. К. Луппола (гл. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938–1952.
20. Савинков С. В., Фаустов А. А. Аспекты русской характерологии – М.: Издательство Кулагиной - Intrada, 2010. – 332 с.
21. Складневская Г.Н. Метафора в системе языка / Отв. ред. акад. Д.Н. Шмелёв. – СПб.: Наука, 1993. – 152 с.
22. Сологуб Ф. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Интелвак, 2002.
23. Сумароков А.П. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1957. – 608 с.
24. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
25. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений – Л.: Советский писатель, 1987. – 448 с.
26. Фаустов А. А., Савинков С.В. Очерки по характерологии русской литературы: Середина XIX в. – Воронеж: Изд-во Воронеж. пед. ун-та, 1998. – 156 с.
27. Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений. – М.; Л.: Советский писатель, 1963. – 384 с.